

О ДВУХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ КАНУНА И ВРЕМЕНИ СМУТЫ

1. СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ «ИСТОРИЯ О РАЗОРЕНИИ РУССКОМ»?¹

Одним из главных, порой даже единственным источником «татищевских известий» за вторую половину XVI — начало XVII в. часто считается летопись, которая велась патриархом Иовом и его келейником Иосифом¹. На взгляд многих исследователей, хотя, вероятно, вскоре после смерти ученого, считающегося родоначальником отечественной исторической науки, эта летопись, охватывающая события 1560—1613 г.² исчезла, она, безусловно, существовала³ (заметим, что А. М. Сафронова почему-то различает известные В. Н. Татищеву сочинения Иова и Иосифа и причисляет эти «истории» к предельным или конкретным в отличие от общих (генеральных)⁴. Первооткрыватель уникальной летописи, однако, называл ее в ряду «участных», т. е., по наблюдению Е. Н. Кушевой и В. И. Корецкого, принадлежавших участникам описываемых событий, а не посвященных прошлому отдельных краев (областей) «топографий», как иногда утверждалось⁵.)

Некоторые историки предположительно отождествляли патриаршую летопись с «Временником» Ивана Тимофеева⁶.

Не сомневавшийся в реальности «Истории» В. Д. Назаров полагал, что в работах В. И. Корецкого, убежденного в зависимости от нее Нового летописца (далее — НЛ)⁷, отсутствует

¹ См.: Корецкий В. И. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание смутного времени // Славяне и Русь. М., 1968. С. 289; Клосс Б. М., Корецкий В. И. В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники (далее — ЛХ): 1980 г. М., 1981. С. 11; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 121.

² См.: Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 111—112, 131, 134 и др. Подчас В. И. Корецкий утверждал, что в «Истории» нашли отражение события «от последних лет царствования Грозного до 1613 г.» (Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С. 79; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 230). Заметим, что в одной татищевской рукописи митрополиту Макарию атрибутировано описание первых 26 лет «самодержавства» Ивана IV — Летописец начала царства (Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 50, 51), хронологически предшествующий «Истории». Д. Н. Альшиц же отождествлял это повествование с Синодальным списком Лицевого свода. См.: Альшиц Д. Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки (далее — ИЗ). М., 1947. Кн. 23. С. 260—261.

³ См.: Кушева Е. Н. К истории холопства в конце XVI — начале XVII веков // ИЗ. М., 1945. Кн. 15. С. 76—78; Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.; Л., 1946. С. 883, 894, 897; Смирнов П. П. Сказание о холопьем войне в древней Руси // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1947. Т. II. Вып. 2. С. 27, 29, 33; Корецкий В. И. Тайственный XVII век // Знание — сила. 1969. № 11. С. 37; Корецкий В. И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова // Вопросы истории (далее — ВИ). 1971. № 5. С. 133; Енин Г. П. Иов // Словарь книжников и книжности Древней Руси (далее — СККДР). Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 417; Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С. 21, 22; Богданов А. П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И. Е. Забелина // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 194. Ср.: С. 202 (Труды ГИМ. Вып. 71); Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994. С. 26; Солодкин Я. Г. Иосиф // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 107—108; Солодкин Я. Г. История о разорении руском (российском) // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 131—135, и др.

⁴ Сафронова А. М. Книги по истории России в библиотеке В. Н. Татищева в Екатеринбурге в 1730-е гг. // Документ: Архив: История: Современность. Екатеринбург, 2003. Вып. 3. С. 39.

⁵ Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I. С. 36. Примеч. 159; Мирзоев В. Г. Историография Сибири (XVIII век). Кемерово, 1963. С. 79; Мирзоев В. Г. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 65.

⁶ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 70; Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданным в XVIII веке. М., 1981. С. 36.

⁷ Это убеждение В. И. Корецкий повторил и в более поздних работах, чем известная В. Д. Назарову статья об «Истории» как летописном источнике татищевских трудов. См.: Корецкий В. И. К вопросу об источниках Латухинской степенной книги // ЛХ: 1973 г. М., 1974. С. 337; Корецкий В. И. «Ермаковы казаки» в Москве и Новый летописец // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1981. Вып. 1. С. 12—14; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 57, 65, 80, 83, 86, 156, 158, 169—175, 229, и др.

развернутое и четкое решение «проблемы состава сочинения келейника Иова (по объему известий, их композиции, хронологическим рамкам)»⁸. (Кстати, утверждая, что «конечные выводы» В. И. Корецкого об этом сочинении не были приняты⁹, В. Г. Вовина-Лебедева забывает о В. И. Буганове¹⁰.)

В. И. Ульяновский (поначалу) и Д. П. Исаев сочли загадочную летопись гипотетическим произведением. В недавно изданной монографии В. И. Ульяновский перестал сомневаться в существовании «Истории» и даже отождествил ее с «книгой летописной» Чудова монастыря, о которой узнали в Записном приказе (впрочем, что это за книга, неясно; в 1636/37 г. в кремлевской обители насчитывалось 6 летописцев и 2 «временника»¹¹). Исходя из заключения А. П. Толочко, что в распоряжении В. Н. Татищева «не было никаких источников, неизвестных современной науке», Д. П. Исаев даже признал «Историю» вымышленной (хотя ссылается на татищевское письмо И. Д. Шумахеру от 30 марта 1749 г. с упоминанием о патриаршей летописи), обойдя вопрос о целях данной мистификации¹². В. Г. Вовина-Лебедева, поначалу не сомневавшаяся в существовании «Истории»¹³, недавно считала его маловероятным и даже нашла, что летописи Иосифа не было, скорее всего, келейник Иова подобно патриарху Гермогену и ротмистру Станкевичу являлся лишь владельцем сочинения, которым располагал В. Н. Татищев, а оно представляло собой, о чем упоминал С. Ф. Платонов, «какой-то поздний вариант текста» НЛ, близкий к ЛСК или отразившийся в ней¹⁴. По мнению исследовательницы, «все характеристики, данные (в оценке В. И. Корецкого. — Я. С.) со слов Иова... резко противоположны» встречающимся в Повести о царе Федоре Ивановиче, вышедшей из-под пера «смирненного» патриарха, если не близкого к нему лица¹⁵. Однако Иов (именно

Мнение, будто В. И. Корецкий писал о вторичности НЛ относительно «Истории» в предположительной форме (Вовина В. Г. Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // Отечественная история. 1992. № 5. С. 119. Ср.: С. 117), неточно.

⁸ Назаров В. Д. «Новый летописец» как источник по истории царствования Лжедмитрия I // ЛХ: 1973 г. С. 301.

⁹ См.: Валк С. Н. Избр. труды по историографии и источниковедению: Науч. наследие. СПб., 2000. С. 447.

¹⁰ См.: Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975. С. 293; Буганов В. И. Русские летописи // ВИ. 1984. № 6. С. 90; Буганов В. И. История феодальной России в трудах В. И. Корецкого // История СССР. 1986. № 2. С. 127. Ср.: Буганов В. И. Послесловие от редактора // Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 266, 267. Отметим также, что С. А. Морозов разделял вывод В. И. Корецкого об «Истории» как источнике Латухинской степенной книги (далее — ЛСК) (см.: Морозов С. А. Обзор списков редакций Повести о пленении Великого Новгорода Иваном Грозным // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1977 год. М., 1978. С. 272).

¹¹ См.: Ундольский В. Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке. М., 1848. С. 14–16.

¹² Ульяновский В. И. Использование данных медицины в изучении политической борьбы в Русском государстве конца XVI — начала XVII в. // Тез. докл. и сообщ. науч. совещания «Комплексные методы в исторических исследованиях». М., 1987. С. 188; Ульяновский В. И. Смутное время. М., 2006. С. 290; Исаев Д. П. Князь В. В. Голицын глазами В. Н. Татищева (опыт реконструкции работы историка над «Историей Российской») // Человек второго плана в истории. Ростов-на-Дону, 2007. Вып. 4. С. 61, 62, 64. В этом письме ученый соглашался передать «Историю» в библиотеку Академии наук. В июльском (1745 г.) письме И. Д. Шумахеру речь шла не о приобретении интересующей нас летописи (Корецкий В. И. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание смутного времени. С. 284; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 111), а о наличии ее у В. Н. Татищева. См.: Татищев В. Н. Записки: Письма: 1717–1750 гг. М., 1990. (Науч. наследство. Т. XIV). С. 315, 343–344. По подсчету В. И. Ульяновского, В. Н. Татищев сделал на «Историю» 15 ссылок, из которых 4 дублируют друг друга. Уточним, что лишь 2 свидетельства ученого, подкрепленные указаниями на Иова либо Иосифа, тождественны, всего же таких свидетельств 14.

¹³ Вовина В. Г. Новый летописец. Итоги и проблемы изучения // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 63, 72–78, 85–87; Вовина В. Г. Новый летописец: Источниковедческое исследование: АКД. Л., 1988. С. 8; Вовина В. Г. Особенности позднего русского летописания // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зиминой. М., 1990. Ч. 1. С. 36.

¹⁴ Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 24, 25; Вовина-Лебедева В. Г. В. Н. Татищев и традиции книжности XVII века // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков: Сб. ст. и мат.-лов. Брянск, 2004. Вып. 3. С. 107, 109, 110. См. также: Валк С. Н. Избр. труды по историографии и источниковедению: Науч. наследие. С. 449.

¹⁵ Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец. Итоги и проблемы изучения. С. 76, 86. Примеч. 81; Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста. С. 27. Вопреки представлению исследовательницы, В. Д. Назаров писал не о таком расхождении, а о критическом отношении к Иову в ряде татищевских сообщений, которые В. И. Корецкий склонен был возводить к «Истории» (Назаров В. Д. «Новый летописец» как источник по истории царствования Лжедмитрия I. С. 301. Примеч. 8).

ему следует атрибутировать Повесть «о честнем житии» преемника Грозного¹⁶) не касался сюжетов, которые привлекли внимание В. Н. Татищева. В. И. Корецкому, впрочем, думалось, что Иван Тимофеев и автор НЛ почерпнули из затерявшейся после смерти выдающегося ученого «Века Просвещения» патриаршей летописи рассказы о крымском нашествии 1591 г. на Москву и царице Феодосии¹⁷, но такой вывод нельзя признать оправданным¹⁸. В числе трех главных персонажей Повести о «крестоносном» государе — изображенная любящей супругой и безутешной вдовой Ирина Федоровна¹⁹. В. Н. Татищев же, следуя, согласно В. И. Корецкому, «Истории», принимал жену «освященного» самодержца за «человека острого ума и великих добродетелей»²⁰. По мысли ученого, в оценке которого сочинение «о разорении русском» является выдающимся летописным памятником²¹, его положительным героем был Иван Грозный, который прославляется и в «писании» Иова о «преблаженном» царе Федоре²². Учтем также, что «История» создавалась после смерти Бориса Годунова, когда отношение к нему, запечатленное Повестью, резко изменилось. С. Ф. Платонов на первых порах действительно отождествлял драгоценную в глазах В. Н. Татищева патриаршую летопись с НЛ (подобно Д. П. Голохвастову)²³, но отнюдь не в том варианте, который близок к ЛСК (такой вариант вообще остается неизвестным). В. И. Корецкий пришел к выводу, что «История» послужила источником и НЛ, и ЛСК²⁴. Едва ли не первой патриаршей летописью создатель «Книги, глаголемой Новый летописец», однако, скорее всего, не пользовался²⁵. В татищевских сочинениях нет известий о заговоре против самозванца накануне восстания 17 мая 1606 г.²⁶, которые заинтересовали составившего ЛСК Тихона Желтоводского²⁷. Со ссылками на «Историю» В. Н. Татищев приводит сведения, отсутствующие и в НЛ, и в ЛСК²⁸. К тому же ученый, которого нередко включают в число «птенцов гнезда Петрова», знал степенные книги «типа Латухинской»²⁹. Со временем С. Ф. Платонов предположил, что под летописью Иова и его келейника Иосифа В. Н. Татищев имел в виду Повесть о Федоре Ивановиче и предшествовавшие ей в Никоновском своде записи про царствование Грозного³⁰. Но налицо явные расхождения между соответствующей частью этого свода и «Историей» по содержанию и хронологическому охвату событий. Вопреки мнению В. Г. Вовиной-Лебедевой, будто Иосиф являлся лишь владельцем летописи о Смуте, как замечал В. Н. Татищев, патриарший келейник, если не сам Иов, «скажет», «изъявил», «описал», «изъяснил», «покажет», «свидетельствует»³¹. Ученый, который,

¹⁶ См.: ПСРЛ. М., 1965. Т. XIV. С. 1; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 288—289.

¹⁷ Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 211—214, 229. Ср.: С. 80.

¹⁸ Солодкин Я. Г. К вопросу об источниках «Временника» Ивана Тимофеева // ТОДРА. Л., 1989. Т. XLII. С. 119—120; Солодкин Я. Г. Временник Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование. Нижневартовск, 2002. С. 144—145, 152.

¹⁹ ПСРЛ. Т. XIV. С. 19—22; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 560.

²⁰ Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 160. Ср.: С. 102. Примеч. 110; С. 128, 237. ²¹ Там же. С. 134. Ср.: С. 174.

²² ПСРЛ. Т. XIV. С. 2, 3, 21; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 124.

²³ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 312—313, 339. Такого же мнения придерживались В. О. Ключевский и В. С. Иконников. Но В. Н. Татищев, по наблюдению Е. Н. Кушевой, различал «Историю» и НЛ.

²⁴ Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 83, 126—129, 162, 170, 229 и др.

²⁵ Солодкин Я. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 54—56, 77—79; Солодкин Я. Г. Временник Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование. С. 141—152.

²⁶ См.: Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 154—158.

²⁷ См.: Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1989. Кн. III. Т. XI. Примеч. 524; Рождественский С. В. Царь Василий Иванович Шуйский и боярство // Историческое обозрение. 1892. Т. V. С. 28, 31, 33, 40—41.

²⁸ См.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. IV. С. 412; Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. С. 41, 43, 49, 67; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 63, 67, 114—115, 117—120, 132, 137, 140, 159, 163—164, 246.

²⁹ Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 122, 132. Ср.: Клосс Б. М., Корецкий В. И. В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей. С. 10.

³⁰ П-в [Платонов] С. Иов // Рус. биограф. словарь. СПб., 1897. Т. VIII. С. 309.

³¹ См.: Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. С. 49; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 117, 119, 120, 137, 140, 159, 163. Ср.: С. 132.

возможно, приобрел рукопись «Истории» в 1741 г., находил полезным ее опубликовать «с изъяснениями и алфаветическими реестры»³². Она значится и в описи последней библиотеки В. Н. Татищева; стало быть, летопись о «великом разорении» Московского государства в начале XVII в. действительно принадлежала автору первого обобщающего научного труда о прошлом России³³. Кроме того, говоря об избрании Бориса Годунова на трон как причине Смуты, В. Н. Татищев помимо «Истории» сослался на дошедшие до нас сочинения Авраамия Палицына, П. Петрея, А. Гваньини, С. Пуффендорфа³⁴. Сохранились и использованные «отцом русской истории» грамота Василия Шуйского находившемуся в Старице Иову и «разрешительная» грамота бывшего патриарха (1607 г.).

Сопровождаемые указаниями на «Историю» «татищевские известия» о возобновлении крестьянских переходов в то время, когда царь Борис узнал про появление самозванца, об отмене соответствующих распоряжений самим преемником «святожительного» Федора, «учинении» «рабов» свободными при «Большом» Годунове³⁵ и «срамодейственном Василии»³⁶, превращении холопов в вольных казаков, сражавшихся под знаменами Лжедмитрия II³⁷, заставляют, как было сделано Е. Н. Кушевой и В. И. Корецким, усматривать в интересующей нас летописи оригинальное произведение. В. И. Корецкому удалось обнаружить ряд аналогий этим сообщениям³⁸ в Бельском летописце (далее — БЛ). Преувеличениями, однако, являются утверждения А. Г. Кузьмина, что параллелью «Истории» служит Мазуринский летописец (далее — МЛ), а В. И. Корецкий «напал на целый архивный пласт, содержащий материал, сходный с источниками “татищевских известий” для конца XVI — начала XVII века»³⁹. Исследователь, посвятивший пропавшей летописи несколько статей и раздел посмертно опубликованной монографии, старался показать зависимость от сочинения Иосифа МЛ (думается, без должных оснований⁴⁰) и сблизил сведения патриаршего свода о закреплении крестьян со статьей БЛ про частичное восстановление их выхода при Борисе Федоровиче. Но говорить об открытии В. И. Корецким летописных источников уникальных свидетельств одного из зачинателей русской науки⁴¹ вряд ли стоит.

Итак, скептицизм относительно существования «Истории», упомянутой в «реестре» библиотеки и трудах, письмах В. Н. Татищева (14 раз), не подкреплен сколько-нибудь весомыми аргументами. Он противоречит мнению о том, что официальное летописание оборвалось навсегда в «опричную грозу» либо, прекратившись в 1568 г., возобновилось только в конце 20-х годов XVII в. (тогда был создан НЛ)⁴².

³² Корецкий В. И. Первое письмо В. Н. Татищева о создании «Истории Российской» // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 441–442; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 110, 111. Вслед за А. И. Юхтом, однако, нельзя утверждать, что В. Н. Татищев подготовил «Историю» к печати (Юхт А. И. Связи В. Н. Татищева с Академией наук // Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М. В. Нечкиной. М., 1976. С. 359; Юхт А. И. В. Н. Татищев и Академия наук // ВИ. 1986. № 11. С. 41; Юхт А. И. О записках и письмах В. Н. Татищева // Татищев В. Н. Записки: Письма: 1717–1750 гг. С. 18).

³³ Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864. С. 59; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 112.

³⁴ См.: Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 119, 159. «Хроника» П. Петрея имела в последней библиотеке В. Н. Татищева (Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. С. 27).

³⁵ Так определяется правитель Борис Федорович в Книге записной — старшей разновидности Сибирского летописного свода (ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 140).

³⁶ Этот отзыв о ставшем царем родственном «перводержавнейшим» князе Шуйском принадлежит одному из современников (Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 101, 121, 127). Далее ссылки на «Временник» по этому изданию приводятся в тексте статьи.

³⁷ См.: Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. С. 44–50, 56, 60–65, 77, 78, 81–82, 229, 281, 346, 351, 365.

³⁸ Перевезенцев С. Отечества пользы для: Историческое повествование. М., 1990. С. 61.

³⁹ Кузьмин А. Г. Был ли В. Н. Татищев историком? // Русская литература (далее — РЛ). 1971. № 1. С. 62, 63.

⁴⁰ Солодкин Я. Г. По поводу «Истории о разорении Русском» Иова — Иосифа (Заметки о летописании) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 438–439; Солодкин Я. Г. О спорных вопросах изучения Мазуринского летописца (Из истории русской культуры начала петровской эпохи) // «Морским судам быть!..»: Российскому военно-морскому флоту — 300 лет. Воронеж, 1996. С. 151–155.

⁴¹ Лихачев Д. С. Можно ли включать «Историю Российскую» В. Н. Татищева в историю русской литературы? // РЛ. 1971. № 1. С. 68.

⁴² Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 3, 12, 21, 205; Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 527; Скрынников Р. Г. История Российская: IX–XVII вв. М., 1997. С. 422; Колобков В. А.

2. БЫЛ ЛИ ИВАН ТИМОФЕЕВ АВТОРОМ «ВРЕМЕННОКА»?

С начала второй трети XIX в., когда П. М. Строев открыл «Временник седьмой тысячи от сотворения света во осмой в первые лета»⁴³, он безоговорочно приписывался дьяку Ивану Тимофееву⁴⁴. Однако без малого полвека тому назад С. В. Дмитриевский, затем известный американский славист Э. Кинан, а недавно киевский историк Д. А. Рыбаков поставили эту атрибуцию под сомнение.

Э. Кинан предложил считать автором «Временника» Арсения Елассонского. Вслед за Д. А. Рыбаковым это заключение следует отклонить⁴⁵, причем уже потому, что значительная часть «хартицы», признанной «самым любопытным памятником» длительной Смуты⁴⁶, написана в Новгороде, тогда как «галасунский» архиепископ, являвшийся хранителем гробов московских государей в Архангельском соборе, в течение «межзубной брани» не покидал Москву. Судя по «Временнику», его автор являлся государевым дьяком, «прошел тяжелый путь черновой приказной работы», «многотрудную школу приказной выучки»⁴⁷. Недаром публицист заметил, что царь Борис «в земностроении письменных делес... чрез первыя самодержавных уставы... полным имянованием в коейждо строце описыватися повеле, егда имя его сице и в мале где наменено будет; ...елицы же погрешаши, тии муку прияша», а Новгород — «трикратное титло царевы место еже царских в писании о имени возвышений чтомых» (С. 71, 114. Ср.: 73, 75–76, 89), т. е. упоминается третьим по счету в государевом титуле⁴⁸. В отличие от мемуаров Арсения⁴⁹, во «Временнике» не говорится о том, что Грозный еще при жизни оставил престол Федору, постригшись в монахи, умалчивается о Царь-пушке,

Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 12; *Филлюшкин А. И.* Изображение Ливонской войны в русском летописании XVI–XVII вв. // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 350, 351. Примеч. 8; и др. Ср.: *Прохоров Г. М.* Древнерусское летописание как жанр // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 16.

⁴³ Мнение, что до появления магистерской диссертации С. Ф. Платонова «Временник» не был известен ученым (*Шаханов А. Н.* Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 359. Примеч. 39), ошибочно.

⁴⁴ Исключениями являются первые описания рукописи «Временника», где автор этого «Русского летописца» не указан (*Викторов А. Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 255–256; *Георгиевский В.* Флорищева пустынь: Историко-археологическое описание с рисунками. Вязники, 1896. С. 217–218, и др.). Кроме того, в известном справочнике С. Б. Веселовского о приказных людях позднесредневековой России и статье О. А. Державиной, сопровождающей издание данного памятника, мнение, что Тимофееву принадлежит «Временник», названо предположением, например, С. Ф. Платонова. В других работах С. Б. Веселовский и О. А. Державина безоговорочно писали об этом произведении как «сложении» видного дьяка, имевшего прозвище Кол (*Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // *Временник Ивана Тимофеева*. С. 351; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 38, 48–51, 192, 317, 337, 338; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 514). С. Ф. Платонов, кстати, нисколько не сомневался в том, что «Временник» вышел из-под пера Тимофеева. См.: *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник. С. 162–213, 448–449, 456, и др.

⁴⁵ *Рыбаков Д. А.* «Временник Ивана Тимофеева» — несостоявшийся историографический проект начала XVII в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2007. № 2 (28). С. 62–63. В представлении А. А. Селина, отметившего, что недавно принадлежность «Временника» Ивану Тимофееву подверглась сомнению, этот «самописчий» — «выдающийся стилист, яркая фигура эпохи Смуты» (*Селин А. А.* К происхождению приказной бюрократии Великого Новгорода в 1611–1617 годы // *Генеалогия на Русском Севере: история и современность: Сб. ст. междунард. науч. конф. Архангельск, 2003*. С. 100; *Селин А. А.* Описи и распродажи выморочного, опального и изменничьего имущества в Новгороде начала XVII века // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2005. № 3 (21). С. 90. Примеч. 2).

⁴⁶ *Яковлев А.* «Безумное молчание» (Причины Смуты по взглядам русских современников ее) // Сб. ст., посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 659.

⁴⁷ *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 181. См. также: *Долинин Н. П.* Общественно-политические взгляды Ивана Тимофеева (К вопросу об истории русской общественной мысли в начале XVII века) // *Науч. зап. Днепрпетр. гос. ун-та. Киев, 1954* (на обл. — 1953). Т. XLII. Вып. 2. С. 143.

⁴⁸ Это действительно так. См., напр.: ААЭ. СПб., 1836. Т. II. С. 54–56; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1852. Т. II. Стб. 929, 956, 968, 1030; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. II. С. 40, 55, 286, 361, 362; РИБ. СПб., 1897. Т. XVI. Стб. 331, 413, 414, 453–456.

⁴⁹ См.: *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899. С. 76, 97, 99, 108, 137, 145, 231.

отливке в «державство» Бориса Федоровича двух больших колоколов для Москвы и Троице-Сергиевой обители, поддержке «расстриги» Вишневецким, отказе польского короля Сигизмунда дать войско первому самозванцу, отправке этим Лжедмитрием в столицу князей В. Голицына и В. Мосальского, проживании Марины Мнишек накануне свадьбы у Марфы Нагой, ограничительной записи царя Василия, убийстве «Калужского вора» П. Урусовым. В этих мемуарах подробно рассказывается о возведении Иова в патриарший сан, про что в «сказаньях» историка-мыслителя⁵⁰ лишь упомянуто. Арсений контрастно изображает Лжедмитрия I и Тушинского «царика»⁵¹, тогда как создатель «Временника» оставил о них (да и о патриархе Игнатии, Марине Мнишек, к которым елассонский архиепископ относился терпимо) крайне негативные отзывы (С. 77–78, 86–88). В глазах прижившегося на Руси грека⁵² Василия Шуйского возвели на престол одни москвичи. Автор же «Временника» называл преемника «расстриги» «самовенечником», обязанным тронном лишь «Михалке» Татищеву (С. 91, 100, 101, 103, 134, 135, 152–153). Арсений выступал за избрание «на Московское государство» польского королевича Владислава. «Мухоподобный» сочинитель «книг» о «междоусобии земном» с негодованием упоминал о попытке «новоблагоотступниц» передать сыну Сигизмунда III «Российския все скипетры» (С. 144. Ср.: 161, 166)⁵³.

С. В. Дмитриевский в начале 60-х годов XX в. указывал, что «собственноручные письма Тимофеева, встречающиеся в новгородских актах, обнаруживают чистый, ясный канцелярский язык, который никоим образом не напоминает возвышенный, многословный и иногда совершенно непонятный язык «Временника», больше подходящий «высокообразованному церковному иерарху», особенно учитывая обилие в этом сочинении извлечений из Священного писания и «теологической литературы», греческих и латинских выражений. Как представлялось С. В. Дмитриевскому, «действительным автором «Временника» был митрополит Исидор, а Иван Тимофеев являлся в известной мере лишь орудием, писцом, который записывал и приводил в порядок различные высказывания митрополита», т. е. «хроника» о пережитом Россией с конца царствования Бориса Годунова «междоусобии земном» — «коллективное произведение двух единомышленников», причем Исидор выступал «вдохновителем Тимофеева, его движущей силой»⁵⁴.

Эти суждения не кажутся нам основательными. Видимо, митрополит, который первенствовал «в четырех един», обратился к «самописчому» «по чину послужением руки», дабы описать нынешние бедствия либо также их предысторию, уже зная о его замысле или литературном труде⁵⁵. Челобитные Тимофеева периода шведской оккупации Новгорода⁵⁶ и «Временник» относятся к совершенно разным жанрам: документам и историческим повестям соответственно (иногда «хартица» принимается за историко-политический трактат). От деловой письменности нередко далеки вышедшие скорее всего из приказной среды краткая редакция «Сказания о Гришке Отрепьеве», «Новая повесть о преславном Российском царстве», «Повесть о двух посольствах», легендарная переписка Ивана Грозного с турецким

⁵⁰ Так оценили автора «Временника» В. О. Ключевский и П. Г. Васенко. См.: *Ключевский В. О. Соч.*: В 9 т. М., 1989. Т. VII. С. 391–392; *Васенко П. Г. Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника»* (К истории перелома в развитии древнерусской исторической мысли) // *ЖМНП*. 1908. № 3. Отд. 2. С. 119.

⁵¹ *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. С. 78–96, 105–106, 136, 141–142.

⁵² Так писал об Арсении В. И. Корецкий (*Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 50).

⁵³ См. также: *Ульяновский В.* Смутное время. С. 53, 54.

⁵⁴ *Дмитриевский С.* Дьяк Иван Тимофеев и его исторический труд // *Чело*. 2000. № 2 (18). С. 34, 35. Г. М. Коваленко, опубликовавший статью С. В. Дмитриевского, нашел его заключение недостаточно аргументированным (*Коваленко Г.* Стокгольмский невозвращенец // *Чело*. 2000. № 2 (18). С. 33).

⁵⁵ *Кизеветтер А.* Тимофеев (Иван) // *Энци. словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. СПб., 1901. Т. XXXIII. Полутом 65. С. 190; *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». С. 355, 356. Многие исследователи думали, что «Временник» писался «по мысли» или инициативе Исидора. См.: *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник. С. 166–167. Ср.: С. 171, 207; *Ключевский В. О. Соч.* Т. VII. С. 126, 161, 167; *Временник Ивана Тимофеева*. С. 501. Комм. 319; *Морозова Л. Е.* Смута в России начала XVII в. в сочинениях ее современников // *Культура средневековой Москвы: XVII век*. М., 1999. С. 264.

⁵⁶ М. П. Лукичевым найдена и челобитная, поданная Тимофеевым за год до смерти. См.: *Лукичев М. П.* Новые документы о земельных владениях дьяка Ивана Тимофеева // *Отечественные архивы*. 1999. № 4. С. 73–74.

султаном, Пискаревский летописец (во многих статьях)⁵⁷. Известно, что Исидор венчал Шуйского на царство. Автор же «Временника» не раз гневно клеймит этого «перводержавнейшим» «сродного» князя (С. 101) как узурпатора престола⁵⁸. «Списатель» сетует на недостаток «книжного разуму» (С. 18, 167. Ср.: 145–146, 148–150), на отсутствие помощников, говорит, что одинок в путешествии через «словес море» (С. 116–117. Ср.: 15), с осуждением отзываясь о новгородском владыке, имея в виду Исидора (С. 134, 139. Ср.: 132), а порой «святоименных» вообще (С. 58, 60, 62, 67–69, 74, 87–88. Ср.: 27, 77–78). Кроме того, автор «Временника», хотя и «употребляет многие искусственные самосконструированные слова»⁵⁹, часто прибегая к сравнениям, черпает образы из мира природы и жизни людей, постоянно интересуется реальными явлениями⁶⁰. Нетрудно заметить и противоречивость вывода С. В. Дмитриевского. Тимофеев, получается, только записывал мысли, которыми делился с ним митрополит (спрашивается, отчего Исидор не делал этого сам⁶¹), но при этом «освятованный» лишь «понутил» дьяка рассказать о перенесенных соотечественниками невзгодах. (Говоря о таком «понуждении», автор, кстати, следует вековой традиции. Его современник Евстратий тоже заметил, что отважился известное ему «писанию предати» по настоянию главы одной «честной обители»⁶².)

На взгляд Д. А. Рыбакова, «Временник» атрибутируют, «исходя из безапелляционного доверия к свидетельству дьяка Записного приказа Т. Кудрявцева», но авторство замечательного памятника русской публицистики первой трети XVII в. не может быть выяснено по «прямым данным текста» и имеющемуся «в нашем распоряжении документальному материалу»; «положительно можно утверждать» лишь то, что «списатель», «судя по криптонуиму Иоанн (благодатноименный)», значительную часть произведения создал в 1610–1611, 1615–1617 г. в Новгороде (от лица которого ведется изложение), выполняя заказ митрополита Исидора⁶³. О том, что «Временник»⁶⁴ вышел из-под пера Тимофеева, сказано и в приписке на л. 277 об. единственной рукописи «хартицы» (в главе «Егда великий восхоцет ...» (С. 413. Примеч. к с. 135–149)⁶⁵. Очевидно, копировавший соответствующий фрагмент «Временника» московский приказный знал, кто его автор. Вопреки убеждению Д. А. Рыбакова, «данные текста» в

⁵⁷ См.: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 181–182, 190, 194, 196, 200–201, 204, 205, 211, 214, 219. Напомним и о сочинениях многих представителей приказной школы стихотворства, например П. Самсонова.

⁵⁸ Есть сведения, что Исидор «очень дружно жил» с новгородским воеводой М. И. Татищевым (*Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1966. Т. VI. С. 324), о котором во «Временнике» находим сугубо враждебные отзывы.

⁵⁹ *Дмитриевский С.* Дьяк Иван Тимофеев и его исторический труд. С. 34.

⁶⁰ См.: *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // *Временник Ивана Тимофеева*. С. 407–408; *Державина О. А.* Метафоры и сравнения в исторической повести начала XVII в. // *Культурное наследие Древней Руси: Истоки: Становление: Традиции*. М., 1976. С. 182–183.

⁶¹ Заметим, что Исидор был владельцем многих книг. См., напр.: *Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Императорской Археологической комиссией*. СПб., 1846. Т. I. С. 249; *Немировский Е.* Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964. С. 271, 276; *Корпус записей на старопечатных книгах*. СПб., 1992. Вып. 1. С. 18; *Архив СПб. Ин-та истории РАН. Русская секция*. К. 2. № 137. Л. 140, 150, 155; № 141. Л. 147 об., 154 об., 161, 169; № 152. Л. 86 об.; РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. № 488. Л. 19 об., 21, 34 об., 36 об.

⁶² См.: *Белоброва О. А.* К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 159; *Демин А. С.* Писатель и общество в России XVI–XVII веков (*Общественные настроения*). М., 1985. С. 13.

⁶³ *Рыбаков Д. А.* Временник Ивана Тимофеева как историографический проект ранней русской историографии (вопросы атрибуции и контекста) // *Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII столетия): Международ. конф., посвященная 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина: Тез. докл. и сообщ.: Препринт*. М., 2005. С. 62. *Рыбаков Д. А.* Временник Ивана Тимофеева как «историографический архив»: хронология составления // *ДР: ВМ*. 2007. № 3 (29). С. 89–90. Утверждая, что «Временник» — «наиболее обширный... памятник ранней (донаучной) российской историографии», исследователь забывает хотя бы об «Истории» А. М. Курбского. Оценка интересующего нас произведения как наименее изученного тоже должна считаться преувеличением.

⁶⁴ Точнее, «временные книги», «писцом» и «книгочетцом» которых был Иван Тимофеев, за что его жаловал боярин И. М. Воротынский, в 1658 г. Т. Кудрявцеву «сказывал» гость М. Васильев — брат купца, знавшего «благодатноименного» дьяка по Новгороду периода «немецкого разоренья». См.: *Лукичев М. П.* Два документа к биографии дьяка Ивана Тимофеева — автора «Временника» // *Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского: Тез. докл. и сообщ.* М., 1991. С. 156; *Лукичев М. П., Морозов Б. Н.* Об организации официального летописания в XVII в. // *АЕ* за 1992 год. М., 1994. С. 136.

⁶⁵ *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». С. 351; [*Державина О. А.*] *Археологический комментарий // Временник Ивана Тимофеева*. С. 433, 434.

сопоставлении с документальным материалом вполне позволяют решить, какой «благодатноименный», т. е. Иоанн (вернее, «самописчий», «ему же имя благодати», см. С. 154)⁶⁶, оставил «всесложение», по замечанию В. О. Ключевского, «с идеями и принципами»⁶⁷. «Временник» наверняка возник в приказной среде. Тимофеев же предположительно сделался подьячим в середине 80-х годов XVI в., а с 18 февраля 1598 г. впервые упоминается в документах в должности дьяка, возможно, получив этот чин в конце царствования «преблаженного» Федора⁶⁸. Существенная роль в отражении нашествия Казы-Гирея на Москву во «Временнике» отведена «наряду» (С. 35–36. Ср.: 57). Тимофеев же скорее всего не один год служил в Пушкарском приказе, сделавшись опытным артиллеристом⁶⁹. Дьяк принимал участие в серпуховском походе недавно избранного на трон Бориса Годунова⁷⁰. Тимофеев был в числе «обиравших» «вселукавого» Бориса царем, в частности свидетелем умоления «издавна завидящего властолюбца раба» (С. 26) в Новодевичьем монастыре принять скипетр⁷¹. Автор же «словес» о пережитых Россией «богонаказаниях» как очевидец поведал о палаточном городке, разбитом русскими воеводами на берегах Оки (С. 57–58)⁷². Как читаем в «хартице», «егда стужающих на град (Москву. — Я. С.) вmale уляже брань», «списателя», незадолго до этого встречавшего здесь мощи царевича Дмитрия, направили в Новгород⁷³, где он оказался «запленным», а после освобождения от «немец», «мало препуская время, в протчих градах (состоял. — Я. С.) ...на уреченных службах» (С. 51, 114, 163. Ср.: 119). Тимофеев же в канун десятилетнего пребывания в «святом, великом» Новгороде находился в столице, а начиная с 1618 г. был дьяком в Астрахани, Ярославле, Нижнем Новгороде⁷⁴. Кстати, во «Временнике» говорится о расследовании обстоятельств смерти служившему Федору Ивановичу сына «агарянска царя» (С. 45), вероятно, крымского царевича Мурат-Гирея, скончавшегося в Астрахани⁷⁵. Возможно, там, где свыше двух лет служил Тимофеев, он и узнал о «крепком... взыскании» «со истязанием» по поводу кончины одного из «нечестивых деспод». В сообщениях «сказателя» о бедствиях большинства

⁶⁶ Временник Ивана Тимофеева. С. 502. Комм. 337. Ошибочно, следовательно, мнение, будто «сам Тимофеев нигде в своем труде не упоминает своего имени» (Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». С. 357. Ср.: С. 362).

⁶⁷ Ключевский В. Очерки и речи: Второй сб. статей. М., 1913. С. 402; Ключевский В. О. Соч.: В IX т. М., 1988. Т. III. С. 246.

⁶⁸ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 48; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 180–182, 201; Солодкин Я. Г. Временник Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование. С. 14. Утверждение Л. Е. Морозовой, будто Тимофеев был подьячим с 1570 г., а дьяком стал в 1585 г. (Исторический лексикон: XVII век. М., 1998. С. 743; Морозова Л. Е. Два царя: Федор и Борис. М., 2001. С. 392), следует отнести к домыслам.

⁶⁹ См.: Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 182, 184. Ср.: С. 187; Лукичев М. П. Новые данные о русском мыслителе и историке XVII в. Иване Тимофееве // Советские архивы. 1982. № 3. С. 24.

⁷⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 523, 530; Разрядная книга 1475–1605. М., 1994. Т. IV. Ч. 1. С. 36; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 182, 219.

⁷¹ Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». С. 383–384; Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 131, 133; Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 54, 182–183, 219.

⁷² Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 183.

⁷³ Р. Г. Скрынников, допуская неточность, пишет об отправке Тимофеева царем Василием в Новгород из-под Тулы (Скрынников Р. Г. Иван Грозный: Борис Годунов: Василий Шуйский. М., 2005. С. 950). Д. А. Рыбаков возвращается к отвергнутой еще С. Ф. Платоновым точке зрения П. М. Строева, что Тимофеев был приказным Софийского дома (Рыбаков Д. А. «Временник Ивана Тимофеева» как историографический проект начала XVII в. С. 61). Но даже в том фрагменте «Временника», на который ссылается ученый, говорится о выполнении дьяком распоряжения и митрополита, и воеводы (С. 153, 154).

⁷⁴ См.: Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 185, 186, 192–195, 218; Лукичев М. П. Новые данные о русском мыслителе и историке XVII в. Иване Тимофееве. С. 23–25, и др. По утверждениям Д. А. Рыбакова, одно время Тимофеев был дьяком Большого Дворца, а в 20-х годах XVII в. под началом И. М. Воротынского — или своего покровителя, или заказчика «Временника» — служил в Казанском приказе (Рыбаков Д. А. «Временник Ивана Тимофеева» — несостоявшийся историографический проект начала XVII в. С. 62, 63). Точнее, знатный боярин возглавлял этот приказ, когда в составе «воеводской коллегии» Тимофеев находился в Астрахани (1618–1620 г.); незадолго до начала Смуты он являлся дьяком приказа Большого прихода (Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 183, 184, 192 и др.). Указание на службы автора после его избавления от шведского «плена» противоречит мнению В. И. Ульяновского, что «Временник» писался в конце Смуты, перед возведением Филарета в патриархи (Ульяновский В. Смутное время. С. 23–24, 232).

⁷⁵ Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 215, 216.

новгородцев во время шведского «пленения» (С. 116, 118, 120, 145, 148, 149) «отразилось в значительной мере пережитое самим Тимофеевым», материальное положение которого в ту пору было весьма тяжелым⁷⁶. Говоря о «преславновелицем» городе на Волхове, автор «всесложения» не всегда пишет от его имени, а отдельные фрагменты памятника могли возникнуть там и в течение 1612–1614 г.⁷⁷ Дополнения к новгородским по происхождению частям «Временника» нет оснований приурочивать к началу 20-х годов XVII в., хотя отрицательные суждения об Исидоре, не исключено, появились уже после смерти этого «снеговидного верха»⁷⁸. (О нем публицист пишет в иносказательной форме, см. С. 97, 129, 130, 132, 134, 139, 153, 154. Исключение составляет фрагмент «Когда великий восхощет...» (С. 149), где, с точки зрения Д. А. Рыбакова, новгородский «первосвятитель» представлен «заказчиком» произведения.)

Д. А. Рыбакову думается, что, раз во «Временнике» помимо Федора Ивановича, М. В. Скопина-Шуйского, Филарета и Михаила Федоровича особенно прославляется «силентиар» М. И. Воротынский, сын которого боярин Иван Михайлович жаловал Тимофеева, а у стольника И. А. Воротынского «чаяли» «книги» дьяка либо список с них, для этих князей, «по крайней мере двух послеопричных поколений», интересующее нас «всесложение» было «чем-то вроде родового летописца», ему надлежало превратиться в справочник «благих деяний» Воротынских, в семейном архиве которых и нашлось место едва ли не наиболее своеобразному публицистическому сочинению о «смятении во всей Русской земле»⁷⁹. Заметим, что автор, которого С. Ф. Платонов назвал исключением «среди пишущей братии своего времени»⁸⁰, расточает похвалы и царице Анастасии, ее сыну Ивану, сестре и детям Бориса Годунова, патриарху Гермогену, матери Михаила Федоровича. В сочинении, отмеченном необычайно напряженными размышлениями о причинах Смуты⁸¹, речь идет только об одном Воротынском — Михаиле Ивановиче. О нем в повествовании про крымское нашествие 1591 г. на Москву автор вспоминает в связи с описанием гуляй-города. Князь — «вправду сигклитик велик при цари»⁸², как говорят «ведцы», изобрел «остенение, православным в сохранение ратем, от стрел вражиих», «по простой речи глаголемый обоз»; «бранному делу по всему сказуют его (знатного князя, жившего «при державе предварших царей»⁸³. — Я. С.) бывша искусна» (С. 38–39). Едва ли столь неопределенного сообщения, тем более с явной ошибкой (замысел передвижной деревянной крепостицы М. И. Воротынскому не мог принадлежать, она применялась русскими еще в 1522 и 1530 г.⁸⁴), достаточно, чтобы рассматривать

⁷⁶ Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 462–463. См. также: Лукичев М. П. Два документа к биографии дьяка Ивана Тимофеева — автора Временника. С. 156; Селин А. А. К происхождению приказной бюрократии Великого Новгорода в 1611–1617 годы. С. 109. Примеч. 10. В начале оккупации Новгорода «еллинами» Тимофеев при окладе 500 четвертей имел только 150 (Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005. С. 192).

⁷⁷ Солодкин Я. Г. Временник Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование. С. 86, 93, 97, 99, 101.

⁷⁸ Там же. С. 99.

⁷⁹ Рыбаков Д. А. Временник Ивана Тимофеева как историографический проект ранней русской историографии (вопросы атрибуции и контекста). С. 62–64; Рыбаков Д. А. «Временник Ивана Тимофеева» — несостоявшийся историографический проект начала XVII в. С. 61–62. М. И. Воротынский и его сын Иван скончались не в 1572 и 1628 г., как пишет исследователь, а в 1573 и 1627 г. соответственно. См., напр.: Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до начала второй четверти XVII века (1397–1625). СПб., 1897. Т. I. Вып. I. С. XLVIII. Примеч. 1; Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 10–11, 14.

⁸⁰ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899. С. 212.

⁸¹ Яковлев Ал. Предисловие // Памятники истории Смутного времени / Под ред. А. И. Яковлева. М., 1909. С. VIII.

⁸² Во «Временнике» сказано и о «самодержавных вправду», М. В. Скопине — «вправду истовом воеводе» (С. 10, 26, 33, 51–52, 64, 89, 95, 107, 128. Ср.: 73, 102, 104, 135).

⁸³ О «предварших царях (десподах)» упоминается и в других разделах «Временника» (С. 71, 73, 102, 103, 107, 133, 153).

⁸⁴ По другой версии, гуляй-город сооружен по проекту ржевского дворянина М. Д. Резанова, а «до тех мест гуляй-города не было». См.: Петров К. В. Собакинский летописец первой половины XVII в. // Очерки феодальной России (далее — ОФР). М., 2003. Вып. 7. С. 159.

«Ведцы», т. е. сведущие люди (Ср.: С. 34–35, 167), на которых в данном случае ссылается публицист, по мнению В. И. Корещкого, принадлежали к окружению Воротынских. Один из них, Иван Михайлович, возможно, и рассказал

«Временник» в качестве боярского летописца, особенно если вспомнить о других сочинениях такого рода⁸⁵.

Д. А. Рыбаков обращает внимание на то, что замечательный публицист резко осуждает Василия Шуйского, а И. М. Воротынский имел основания для подобного же отношения к царю, «житие» которого «было... всегда з бедами и с кручины, и с волнением мирским»⁸⁶ (М. В. Скопина отравили на крестинах сына Ивана Михайловича Алексея). Впрочем, утверждать причастность царя Василия к смерти племянника, как сделано во «Временнике», не приходится. Зато известно, что И. М. Воротынский, хотя доводился «несчастливому» государю свояком, был среди тех, кто лишил Шуйского престола⁸⁷. Создатель же «Временника» с возмущением говорит про них, в том числе «велицый вси мнимшиися столпи, тогда ту прилучимся», попустивших «низлагатаем», тем более что могли им «возбранити» (С. 103, 106–108, 164). Вельможи («силентияры», «первие по цари», «благороднийшии») вообще не раз осуждаются публицистом, считавшим себя недостойным братья за перо (С. 15–16, 27, 39, 40, 53, 65, 69, 83, 94, 104, 108, 128, 152. Ср.: 92, 95, 123, 144)⁸⁸. К тому же книжник, «оглаголание» которого представляло «новый образ автора — размышляющего писателя», «видит возможность не быть идеологически ангажированным»⁸⁹. И. М. Воротынский входил в состав боярского правительства времени польско-литовской оккупации Москвы, причем удостоился милостей Сигизмунда III⁹⁰. В интересующей же нас «хартице» с горечью сказано о единомышленниках «с латынники на всякое зло», «новоблагодотступниках», собиравшихся передать «Росийския вся скипетры» королевичу Владиславу (С. 144, 165. Ср.: 148). И. М. Воротынский умер, когда его сыну не исполнилось и 17 лет. Работа над «Временником», оставшаяся незаконченной, продолжалась скорее всего до смерти автора, т. е., если считать им Тимофеева, до начала марта 1631 г., и в таком случае утверждать, что рукопись «хартицы» очутилась у князей, олицетворявших первостатейную знать⁹¹, опрометчиво, хотя И. А. Воротынский и был небезразличен к книге⁹².

В глазах Д. А. Рыбакова разновременные «этюды» о предыстории царствования Грозного и последующих событиях, заканчивая «новгородской эпопеей» «смутных лет», предстояло соединить не автору; ему, между прочим, могла принадлежать лишь идея такого «историографического проекта». Думается, однако, что «совокупление... многообразных удес хартейных членов», их «исправления» и

создателю «временных книг» о своем знаменитом отце (*Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 189, 214. Ср.: С. 202). Примечательно, что Воротынские были тесно связаны с Кирилло-Белозерским монастырем (*Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. I. Вып. I. С. 48, 143, XLIX, LIV, LVIII, LXXXIII; СПб., 1910. Т. I. Вып. II. С. 178, и др.). Во «Временнике» же имеется оригинальное сообщение о гибели сына Грозного царевича Дмитрия возле этой обители (см.: *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 37). Заметим также, что И. М. Воротынский участвовал в перенесении из Углича в Москву останков младшего сына Ивана IV (Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. С. 267; ПСРЛ. Т. XIV. С. 70, и др.). Не восходят ли к рассказу боярина некоторые оригинальные данные «Временника» о смерти канонизированного в 1606 г. царевича (С. 29, 30)?

⁸⁵ См. о них: *Солодкин Я. Г.* Пискаревский летописец и боярское летописание второй половины XVI — начала XVII вв. // Русское средневековье: Источники: 2000–2001 годы. М., 2002. С. 76–88; *Солодкин Я. Г.* Тайна «хроник» боярина И. Ф. Мстиславского // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 945–949.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 214.

⁸⁷ См.: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Кн. III. Т. XII. Стб. 136; *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. С. 255; ПСРЛ. Т. 34. С. 255–256.

⁸⁸ Утверждать, что «Временник» отражал настроения консервативного боярства и дьячества (*Готье Ю. и Бахрушин С.* Культурные и политические связи России и Англии в XVI–XVII веках // Ист. журнал. 1941. № 12. С. 66), разумеется, не стоит.

⁸⁹ *Киселева М. С.* Учение книжное: Текст и контекст древнерусской книжности. М., 2000. С. 181.

⁹⁰ См.: *Любомиров П. Г.* Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 г. Переизд. М., 1939. С. 196–197.

⁹¹ Такая мысль была высказана и М. И. Слуховским (*Слуховский М. И.* Библиотечное дело в России до XVIII века: из истории книжного просвещения. М., 1968. С. 100).

⁹² См., напр.: Читатели изданий московской типографии в середине XVII века: Публ. документов и иссл. С. П. Луппова. Л., 1983. С. 44, 47, 100, 123, 154, 159. Ср.: С. 151; *Тимошина Л. А.* Приходная книга Приказа книжного печатного дела 1649/50–1652/53 гг. // ОФР. М.; СПб., 2006. Вып. 10. С. 265, 272, 283, 302.

«сличного сочетания по чину» (С. 118) входили в замысел (в значительной мере реализованный⁹³) «скудоумного» «составления писательства» самого публициста. По его словам, теперь, когда удалось освободиться от «насилования» шведов, он начнет «ударяти во двери могущих», если не будет «коего новопрепятя» (С. 119). «Списатель» замечает, что о возвращении «расстригой» в Москву своей мнимой матери «подробну во своем чина известится месте». «Слово» о гибели жены и сына «срабного» царя Бориса создатель «Временника» «полагает» «по своему чину» (С. 44, 62. Ср.: 17, 18, 57). Но «обложенный» «немощию» (С. 18, 106) автор признает, что «подробну збывшихся... в писании представить» не в силах, да и разве кто-то сумеет изобразить бедствия «Росийска жребия, иже от враг подьяша» («книга особь каждому месту может быти»), а также обстоятельства пребывания Филарета в польском плену и воцарения Михаила Федоровича. Сочинитель «убозей... хартийцы» способным «же изглаголати вся подробну попустих и оставих в прочее», «вкупе рещи всем необьятно, аще иже витейством краткословне кто довлен о сих обрящется по риторех». Однако погружившийся в глубину «писаний» публицист отказывается верить, что «иже плоть носяй... потонку до единая черты полность всю» опишет, «разве кто обожен», а он сам — «стеня тех, неже самыя беды споведати» (С. 15, 76, 92, 106, 117, 118, 126, 148, 164–166). Сознывая отсутствие «глубочайших разумений к сложению», сетуя на собственное невежество, «ума мелину», да и уверяя, что, находясь «яко во угле темне», «не вем бывших: кое... было коего попереди, ли послезде; и поносно бо есть писателю, не ясно ведущее, сущая вещи описывать», автор многое «могущим оставихом наверхити», которые его «недостатки своим... кождо избытком разума исправят... неведения ради бывших, срама, купно же и страха царска, пременят». Он заявляет, что это «начертание» — «последнего неразумия знамение и детям игралище» (С. 18, 115–116, 145) — готово уступить место другому, более совершенному, если такое «обрящется», и намеревается передать «обогащенным в разуме сия (свои «книги». — Я. С.) добре исправить», молит, «яко да достовернии, иже аще явльшеся обрящутся, яко в нас да исправят иже сия», даже «нам просветят», а о страшном лихолетье «подробну на се довлеными в подобных местех скажется ясно, не иже нами» (С. 70, 106, 118, 150, 152, 167). Взгляд, что «Временник» представляет собой «лишь черновые наброски автора», его «архив», а не «связанное историческое изложение» (так подобно И. И. Полосину считает Д. А. Рыбаков), вслед за О. А. Державиной можно признать оправданным, да и то с оговорками, относительно заключительного раздела «хартицы» — «Летописца вкратце»⁹⁴. Видимо, создатель памятника (в XVII в. «по некоторым историко-политическим выводам и наблюдениям» он «был прямо опасен»⁹⁵) допускал, что со временем «изданные» им «писмены» (С. 163) будут дополнены и даже переработаны. Но заявлявший о своей «худости и дерзости» (С. 16) «списатель» все же думал, что его «сложения», являясь во многом мозаичными, систематизироваться и редактироваться не должны были только кем-то из продолжателей.

Кстати, еще автор «Летописца» из Великих Миней Четых Макария молил «прочитающих... сия святых книги, иже могущих, зъ Божию помощию, в них недокончанная... исправить». Иван Федоров в послесловии к львовскому Апостолу (1574 г.) также предлагал читателям исправлять «Бога ради» замеченные ошибки. «Изограф» Василий, завершая «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», писал, что его не оскорбят «вашего любомудрия исправления», он даже призывал

⁹³ См.: [Державина О. А.] Археографический комментарий. С. 417; Долинин Н. П. Развитие национально-политической мысли в условиях крестьянской войны и иностранной интервенции в начале XVII века // Науч. зап. Днепропетр. гос. ун-та. Киев, 1951. Т. XL. Вып. 1. С. 130.

⁹⁴ Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». С. 357–358, 366 и др.

⁹⁵ Полосин И. И. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1949. Т. LVI. Вып. 2. С. 135. И. И. Полосин высказал допущение о поступлении «Временника» в Записной приказ ранее О. А. Державиной, а не вслед за ней, как находит Д. А. Рыбаков (Там же; Рыбаков Д. А. «Временник Ивана Тимофеева» как историографический проект начала XVII в. С. 60. Примеч. 4).

читателей «своим совершением» «исполнить» его «недостатки»⁹⁶. Видимо, в соответствующих строках «Временника» опять-таки нашла отражение литературная традиция⁹⁷.

Таким образом, мнение о «Временнике» как сочинении Ивана Тимофеева пока сколько-нибудь убедительно оспорить не удалось.

⁹⁶ ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 299; ПЛДР: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 476, 480. Младший современник автора «Временника» Савва Есипов «написах к своему исправлению» синодик «ермаковым казакам» (ПСРЛ. Т. 36. С. 70). Несколько десятилетий спустя о намерении переработать свою летопись обмолвился С. У. Ремезов, но этот замысел не осуществился. См.: *Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н.* Ремезовская летопись: история открытия, рукописи, издания // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX веков. Тобольск, 2005. С. 46.

⁹⁷ Как утверждает Л. Е. Морозова, Тимофеев сам пытался переделать, хотя и безуспешно, свое сочинение. Ведь после 1613 г. надобность во «Временнике» отпала, ибо там обосновывалась идея о необходимости отделения Новгорода от Московского государства (Исторический лексикон: XVII век. С. 744, 745; *Морозова Л. Е.* Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000. С. 182, 189, 442). Последний взгляд разделяемый А. А. Преображенским, должен считаться несостоятельным (*Солодкин Я. Г.* Был ли Иван Тимофеев поборником новгородской независимости? // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: Мат-лы пятой межвуз. регион. науч. конф. Омск, 2003. С. 64–66, и др.).